

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.4.69>

Дячук Татьяна Владимировна

ЛИЧНОСТЬ И ТВОРЧЕСТВО Г. И. УСПЕНСКОГО В КОНТЕКСТЕ СПОРОВ О РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ("ВЕХИ" И ВОКРУГ "ВЕХ")

В статье впервые анализируется рецепция творчества и культурно-психологического облика Г. И. Успенского авторами сборника "Вехи". "Веховцы" воспринимали Успенского в качестве ключевой фигуры в среде русской интеллигенции. Судьба писателя рассматривалась ими на пересечении фундаментальных проблем, связанных с духовной сущностью и историческим бытием русского интеллигента. Авторы "Вех" открыли в творчестве Успенского комплекс идей и переживаний, связанных с "богоискательством". Актуальность этих идей была продемонстрирована в статье инициатора сборника - М. О. Гершензона. Осуществленное историко-литературное исследование задает новые координаты для понимания творческой индивидуальности Успенского, изучение которого прежде базировалось на оценках идеологических противников "Вех" - В. И. Ленина и Г. В. Плеханова.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/4/69.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 4. С. 339-343. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.161.1

Дата поступления рукописи: 25.02.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.4.69>

В статье впервые анализируется рецепция творчества и культурно-психологического облика Г. И. Успенского авторами сборника «Вехи». «Веховцы» воспринимали Успенского в качестве ключевой фигуры в среде русской интеллигенции. Судьба писателя рассматривалась ими на пересечении фундаментальных проблем, связанных с духовной сущностью и историческим бытием русского интеллигента. Авторы «Вех» открыли в творчестве Успенского комплекс идей и переживаний, связанных с «богоискательством». Актуальность этих идей была продемонстрирована в статье инициатора сборника – М. О. Гершензона. Осуществленное историко-литературное исследование задает новые координаты для понимания творческой индивидуальности Успенского, изучение которого прежде базировалось на оценках идеологических противников «Вех» – В. И. Ленина и Г. В. Плеханова.

Ключевые слова и фразы: Г. И. Успенский; «Вехи»; П. Б. Струве; М. О. Гершензон; очерк; проблематика.

Дячук Татьяна Владимировна, к. филол. н., доцент

*Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург
dia4uk.tanya@yandex.ru*

ЛИЧНОСТЬ И ТВОРЧЕСТВО Г. И. УСПЕНСКОГО В КОНТЕКСТЕ СПОРОВ О РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ («ВЕХИ» И ВОКРУГ «ВЕХ»)

В советское время творческая индивидуальность Глеба Успенского изучалась в рамках марксистского литературоведения. Опорными для историко-литературных штудий, посвященных писателю, стали многочисленные отзывы о его творчестве В. И. Ленина и Г. В. Плеханова. Целый пласт суждений и оценок, высказанных об Успенском в лагере идеологических и политических противников марксистов, был устранен из научного оборота. Это обстоятельство существенно сузило ракурс изучения Успенского и обеднило понимание его творчества.

В настоящей статье впервые ставится проблема рецепции творчества и культурно-психологического облика Успенского авторами сборника «Вехи» (1909) и их оппонентами, чем и определяется научная **новизна** исследования. Анализ оценок и суждений, высказанных об Успенском в начале XX века, представляет **актуальную** задачу современной истории литературы, поскольку изучение Успенского в рамках только реалистической традиции XIX века исчерпало себя и в конечном счете привело к забвению его творчества. Обращение к философскому опыту «Вех» позволит восстановить место Успенского в истории русской общественной мысли.

Издание «Вех» явилось результатом самоанализа русской интеллигенции после революционных событий 1905-1907 годов. Авторы сборника осуществили попытку определить духовный облик русского интеллигента, сложившийся под влиянием радикально-освободительных идей XVIII-XIX вв. «Веховцы» подвергли реви́зии и русскую литературу, преимущественно в лице тех писателей, которые сочувствовали революционно-демократическому движению и способствовали его развитию. Их ближайшей политической мишенью стало русское народничество и его последователи.

Так, Н. А. Бердяев в статье «Философская истина и интеллигентская правда» писал о «народнически-утилитарно-аскетическом отношении к философии» русского интеллигента, который «во имя своего бога – народа» [1, с. 2] отказывается от высших ценностей творчества и философии. К жертвам народнического аскетизма Бердяев причислял «большой художественный талант Гл. Успенского» [Там же, с. 3]. В контексте всей статьи мысль Бердяева представлялась антиномичной: русская интеллигенция отвергает философские истины, но отвергает их, как сказано в финале, во имя «целостного мирозерцания, органического слияния истины и добра, знания и веры» [Там же, с. 19]. В свете этого утверждения замечание Бердяева о «погубленном» таланте Успенского получало едва ли не обратный смысл. Можно ли считать напрасной гибель того, кто искал единства добра, красоты и правды?

Философ и богослов С. Н. Булгаков сосредоточил свое внимание на отношении русской интеллигенции к религии. Еще до участия в сборнике «Вехи» Булгаков размышлял об Успенском в статье «Интеллигенция и религия» (1908). В ней говорилось о богоискательстве русского интеллигента, наиболее полно воплощенном в очерке Успенского «Выпрямила»: «Когда я думаю об этом животворящем действии красоты, мне вспоминается большая, страдальческая душа Гл. Успенского, который, подобно Гаршину и некоторым другим, несомненно страдал от несоответствия своего интеллигентского мировоззрения религиозным запросам души» [3, с. 16].

В сборнике «Вехи» Булгаков выступил со статьей «Героизм и подвижничество (из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции)», в которой, рассуждая о мечте русского интеллигента о Граде Божием, о его стремлении спасти человечество, философ снова приводил в пример «наиболее крупных писателей-интеллигентов (Гл. Успенского и Гаршина)» [2, с. 29]. По мнению Булгакова, они испытывают «боль от дисгармонии жизни и стремление к ее преодолению» [Там же]. В этом стремлении автор статьи распознает «черты утраченной церковности» [Там же]. Вместе с тем русскую интеллигенцию отличает несыновнее отношение к своему прошлому, разрыв исторической связи с опытом отцов [Там же, с. 55]. Слова Булгакова в полной мере могут быть отнесены к Успенскому. В «Автобиографии» писатель признавался

в том, что отрекся от своего сословного прошлого и создал свою «новую душевную родословную» [18, с. 576]. Автобиография, написанная Успенским в 1883 году, была впервые опубликована Н. К. Михайловским в его знаменитых очерках «Литература и жизнь» в 1902 году. Можно предположить, что Булгаков был знаком с этим документом, поскольку воспоминания Михайловского пользовались широким читательским успехом. Кроме того, Булгакову могли быть известны опубликованные в 1886 году и выдержавшие несколько изданий «Письма с дороги» Успенского, в которых писатель отзывался о прошлом своего поколения как о «группной яме» и «смрадном морге» [16, с. 306].

В то время как Булгаков и Бердяев причисляли Успенского к русской интеллигенции, видя в нем портрет русского интеллигента с его жаждой целостного мирозерцания, нигилистическим отрицанием философии и неизбывной «религиозной тоской», Гершензон и Струве, по-разному мотивируя свою позицию, исключали Успенского из числа русских интеллигентов.

Так, М. О. Гершензон – инициатор и вдохновитель сборника «Вехи» – не разделял мнения о погубленном таланте (Бердяев) и религиозных заблуждениях Успенского (Булгаков). С точки зрения Гершензона, Успенский, напротив, сумел подняться над предрассудками интеллигентной массы и высказать ей неприятную истину. Исповедуемая Успенским идеология народничества не осуждалась Гершензоном [4, с. 21]. Как известно, народники считали, что путь к подлинной демократии лежит не через насилие коллектива над личностью, а через ее всестороннее умственное и нравственное развитие [10, с. 44]. Народническая апология личности импонировала Гершензону, для которого идея личности была ключевой.

Статья Гершензона «Творческое самосознание», помещенная в сборнике «Вехи», призывала русского интеллигента к духовной работе над собой, к высвобождению своей личности из-под ига общественности. Забегая вперед, отметим, что именно к этому призыву сводились обращения Успенского к русской интеллигенции в 1880-е годы. Поздним Успенским был выработан характерный художественный стиль, в котором настойчиво повторяемые «словесные фигуры» [8, с. 126] – «больная совесть», «искалеченная душа», «власть земли» – обладали мощным потенциалом социального воздействия. Статья Гершензона явилась манифестацией идейного и художественного влияния Успенского.

В начале статьи Гершензон заявлял: «Мы не люди, а калеки» [5, с. 70]. Выбирая местоимение «мы», автор превращал свое высказывание в исповедь поколения. Именно так поступал Успенский, подчеркивая общность своей судьбы и русской интеллигенции, в очерках второй половины 1880-х годов и в цикле «“Мы” на словах, в мечтаниях и на деле» (1887). Вслед за Успенским автор статьи называет русского интеллигента «искалеченным человеком», «искалеченной душой». Тема «безграничной искалеченности нашей души» [16, с. 331] – константная тема Успенского, начиная с очерка «Больная совесть» (1873), в котором русской общественности впервые был предъявлен диагноз социальной болезни. Отметим, что обретшее популярность выражение «больная совесть» было в ходу и у авторов сборника «Вехи»: его употребляет А. С. Изгоев в статье «Об интеллигентной молодежи», рассуждая о причинах возникновения терроризма [7, с. 123]. Успенский видел симптомы «больной совести» в разладе между сознанием и волей интеллигентного человека, в его неспособности быть целостной личностью. Вместо личных убеждений, выработанных усилиями воли и сознания, русский интеллигент заимствует готовые общественные формулы. Этим определяется духовная шаткость русской интеллигенции, легко меняющей своих кумиров. Об этом недуге русского образованного сословия Успенский размышлял в очерках: «Неизлечимый» (1875), «Неплательщики» (1876), «Хочешь-не-хочешь» (1876), «Люди среднего образа мыслей» (1876), «Не воскрес» (1877), «Три письма» (1878), «Громы небесные» (1888), а также в циклах: «Письма из Сербии» (1876), «Из путевых заметок» (1883), «Волей-неволей. Отрывки из записок Тяпушкина» (1884), «Письма с дороги» (1886), «“Мы” на словах, в мечтаниях и на деле» (1887).

Приведем некоторые фрагменты. В цикле «Волей-неволей. Отрывки из записок Тяпушкина» Успенский писал: «То, что называется у нас всечеловечеством и готовностью самопожертвования, – вовсе не личное наше достоинство, а дело исторически для нас обязательное, и не подвиг, которым можно хвалиться, а величайшее облегчение от тяжелой для нас необходимости быть просто человеческими и самоуважающимися. Сами мы привыкли, и нас приучила к этому вся история наша не считать себя ни во что, сами мы поэтому можем основательно себя лично допустить и перенести всякую гадость, помириться со всяким давлением, влиянием, поддаться всякому впечатлению: “нам лично ничего не нужно”. Добиваться своего личного благообразия, достоинства и совершенства нам трудно необыкновенно, да и поздно. “Уведи меня в стан погибающих”, вопиет герой поэмы Некрасова “Рыцарь на час”. И в самом деле: лучше увести его туда, а не то оставьте-ка его с самим собой, так ведь он от какого-нибудь незначительного толчка того и гляди шмыгнет в стан “обагряющих руки в крови”...» [15, с. 424]. В цикле «Письма с дороги»: «Никаких личных идеалов у нас не было, и некому было в нас воспитать их, вдунуть душу живую в нашу не существовавшую “личность”. Единственными нашими идеалами не могли быть иные, как идеалы общественные... Будь эта чуткость (к своей личности. – Т. Д.), она, как магнит, притянула бы к себе из всего огромного европейского опыта всё, что ей нужно для сохранения самой себя целой, невредимой и неисковерканной, и не взяла бы ничего, что могло бы ее смять, исказить, изуродовать. Но этой-то чуткости к самим себе в нас и не было воспитано ни всей историей, ни живым прошлым. Напротив, “нам самим ничего не надо”, мы “как-нибудь”, мы лично перетерпим, а погибнуть готовы во всякое время» [17, с. 310-311]. В очерке «Громы небесные»: «Над нашей личностью всегда тяготело иго какого-нибудь якобы общественного дела. Нам велено было непременно создать третий Рим» [Там же, с. 306].

Успенскому вторит Гершензон, заявляя о том, что сознание русского интеллигента искажено «религией общности»: «Русский интеллигент – это, прежде всего, человек, с юных лет живущий вне себя, в буквальном смысле слова, т.е. признающий единственно достойным объектом своего интереса и участия нечто лежащее вне его личности – народ, общество, государство» [5, с. 70].

Гершензон дает самое экспрессивное в «Вехах» определение русской интеллигенции – «сонмище больных, изолированное в родной стране» [Там же, с. 87].

Изоляция русского интеллигента от народной жизни составляла постоянную тревогу Успенского, нашедшую отражение, в частности, в очерке с обращенным к русскому интеллигенту названием «Не суйся!» (глава IV из цикла «Крестьянин и крестьянский труд»). Речь в нем идет о полной отчужденности русского интеллигента от народа, несмотря на благие намерения помочь темной крестьянской массе.

Гершензон, используя лексику Успенского, задает риторический вопрос: «Могла ли эта кучка искалеченных душ остаться близкой народу? В нем мысль, поскольку она вообще работает, несомненно работает существенно – об этом свидетельствуют все, кто добросовестно изучал его, и больше всех – Глеб Успенский. Сказать, что народ нас не понимает и ненавидит, значит не все сказать. <...> Нет, он, главное, не видит в нас людей: мы для него человекоподобные чудовища, люди без Бога в душе» [Там же, с. 85].

Продолжая тему интеллигентской изоляции, Гершензон говорит о том, что знания, которые может дать русский интеллигент, не нужны народу: «Все, кто внимательно и с любовью приглядывались к нашему народу, – и между ними столь разнородные люди, как С. Рачинский и Глеб Успенский, – согласно удостоверяют, что народ ищет знания исключительно практического, и именно двух родов: низшего, технического, включая грамоту, и высшего, метафизического, уясняющего смысл жизни и дающего силу жить. Этого последнего знания мы совсем не давали народу, – мы не культивировали его и для нас самих» [Там же, с. 86].

Гершензон имеет в виду такие очерки Успенского, как «Голодная смерть» (1877), «Народная книга» (1880), «Школа и строгость» (1882).

В отличие от писателя, не нашедшего выхода из тупика, в котором оказалась русская интеллигенция в конце XIX века, Гершензон был уверен, что современная ему интеллигенция уже на пути «к творческому личному самосознанию» [Там же, с. 96].

Другой автор «Вех» – П. Б. Струве – в статье «Интеллигенция и революция» не разделял оптимизма Гершензона. Струве утверждал, что идея личного самоусовершенствования, характерная для религиозного мирозерцания, чужда русской интеллигенции, охваченной духом «безрелигиозного отщепенства» [14, с. 164]. Рождение русской интеллигенции он связывал с общественной реакцией на реформы 1860-х годов. С тех пор русская интеллигенция стремится подчинить своему духовному влиянию образованное русское общество, но, как замечал автор статьи, «наша национальная литература остается областью, которую интеллигенция не может захватить» [Там же, с. 163].

Струве делит русскую литературу на «великих писателей» – Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Достоевский, Чехов, Вл. Соловьев – и на «интеллигентов» – Михайловского и Чернышевского. Пограничное положение занимают Белинский, Герцен и Салтыков-Щедрин, которые, несмотря на то, что «носят интеллигентский мундир» [Там же], духовно чужды интеллигентскому «отщепенству». В завершение «суда» над русской литературой Струве замечает: «Загадочный лик Глеба Успенского тем и загадочен, что его истинное лицо все прикрыто какими-то интеллигентскими масками» [Там же, с. 164].

Ирония Струве над «мундиром интеллигента» и его деление русских писателей на «великих» и «отщепенцев» вызвало негодование среди противников «Вех». Так, общественный деятель, один из основателей партии кадетов И. И. Петрункевич в статье «Интеллигенция и “Вехи”» назвал этот пассаж из статьи Струве распределением «между овцами и козличами» [11, с. 561]. Автора статьи задело, «почему Герцен и Глеб Успенский, каждый по-своему выстрадавшие свое право на благодарность и уважение своего народа, берутся под подозрение» [Там же]. В пылу полемики Петрункевич не заметил, что защищаемые им писатели причислены Струве к великой русской литературе. Более того, Струве не примерял «интеллигентский мундир» Успенскому. В его трактовке писатель скрывается, как в маскарade, за «интеллигентскими масками», то есть в конечном счете остается свободным от диктата идеологии.

В спор с «веховцами» вступил и организатор кадетской партии, историк П. Н. Милоков. В статье «Интеллигенция и историческая традиция» он говорил о том, что религиозное «отщепенство», в котором упрекали интеллигенцию авторы «Вех», являлось следствием «усиления веры, уже не умещавшейся в тех рамках церковности, которые рекомендует Булгаков» [9, с. 661]. Милоков вслед за Струве констатировал болезнь отщепенства в русском образованном классе, не исключая и самих «веховцев». Вопрос состоял лишь в том, как преодолеть «отщепенство». Милоков был уверен, что в этом деле именно народники, жертвуя собой, сделали более всего, причем не в области отвлеченной мысли, как «веховцы», а в практике «хождения в народ», изучения народного быта и создания народнической литературы: «А русские народники пошли сами в деревню... Они пошли туда, мучаясь своим отщепенством и подчеркивая свое непонимание, несоизмеримость своей интеллигентской мысли с народной, как Глеб Успенский. В его лице они делали нечеловеческие усилия, чтобы найти оправдание для стихийного мировоззрения деревни, для “власти земли”. Они подмечали, вытаскивали на свет Божий и без конца возились и любовались каждой живой струей, на которую наталкивались, изучая эти инертные, мертвые, массивные почвенные пласты. Они отыскивали в деревне ее собственную интеллигенцию. От религиозной неподвижности массы они ушли в изучение народных

течений сектантства. И это они, именно они первые познакомили нас с подлинной – не воображаемой авторами “Вех”, а действительной русской живой религиозной мыслью» [Там же, с. 662].

Среди сочувственных отзывов на сборник «Вехи» выделялась статья В. В. Розанова «Мережковский против “Вех”». Появление «Вех» философ расценил как «великое покаяние» русской интеллигенции: «Кайтесь больно, до конца, до могилы: погребитесь» [12, с. 116]. Розанов приветствует «погребение» русской интеллигенции в «Вехах», ибо вслед за ним интеллигенцию ожидает Воскресение. Покаяние «веховцев» Розанов сравнивал с поведением Шатова – героя романа Ф. М. Достоевского «Бесы»: «...авторы “Вех” с поразительной подробностью и точностью повторили судьбу и исповедание благородного Шатова, который залезши в самую гущу революционеров и революции, потом отошел от нее, грустно, в раздумье» [Там же, с. 112]. Розанов вспоминает и о «благородном Кириллове», которого Петр Верховенский подговаривает к самоубийству.

В 1914 году Розанов отыскивал историческое лицо, сыгравшее, по его мнению, роль «кроткого идеалиста» Кириллова в драме русской интеллигенции. В статье «Еще погребенный “социологами” (из мартиролога русской литературы)» Розанов назвал Успенского «жертвой» Михайловского-Верховенского. Подобно герою-провокактору из «Бесов», Михайловский – «старый волк красного лагеря» [13, с. 264] использовал Успенского в нечистых целях революционной борьбы. Розанов цитирует окончание очерка «Под впечатлением поездки по Дунаю» из цикла Успенского «“Мы” на словах, в мечтаниях и на деле». В нем Успенский рассуждает о «русской идее» [6]. Писатель был убежден, что изъян «русской идеи» состоит в том, что она действительна в отрицании зла, но бессильна в утверждении добра. Успенский призывал «дать русскому омраченному сердцу возможность жить и другими его сторонами», и, «быть может, в нем само собой угаснет то стремление ко злу, которое стало казаться почти неистребимым и в борьбе с которым преждевременно гибнут крупные силы и гениальные дарования» [17, с. 107]. Розанов назвал процитированные строки «великой программой», которую начертала «живая душа писателя» [13, с. 269]. Эта программа была адресована, по словам Розанова, «как по белому, так и по красному адресу» [Там же, с. 266], то есть и охранителям, и революционерам. Однако призыв Успенского-Кириллова не был услышан. В творческом сознании Розанова «веховцы» и Успенский предстали участниками и добровольными жертвами революционной драмы, спроецированной на роман Достоевского «Бесы».

Таким образом, в полемике о русской интеллигенции, развернувшейся вокруг сборника «Вехи», Успенскому было отведено особое место. «Веховцев» и их оппонентов объединяло убеждение в том, что именно в творческой индивидуальности Успенского следует искать разгадку феномена русской интеллигенции. Культурно-психологический облик писателя явился точкой пересечения фундаментальных проблем, связанных с русской интеллигенцией: диктата идеологии и свободы личности, проповедуемого утилитаризма и жертвенного служения народу, атеизма и богоискательства. «Веховцы» впервые раскрыли религиозную ипостась творчества Успенского, которого до них считали писателем-эмпириком, добросовестно фиксирующим увиденное. Статья Гершензона «Творческое самосознание» убедительно доказывала, что значение идей и стиля Успенского далеко выходит за рамки классического реализма XIX века и актуально в контексте культуры Серебряного века.

Список источников

1. Бердяев Н. А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. М.: Новости, 1990. С. 1-23.
2. Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. М.: Новости, 1990. С. 23-70.
3. Булгаков С. Н. Интеллигенция и религия. СПб.: Сагисъ, 2010. 302 с.
4. Володина Т. А. М. О. Гершензон – историк русской общественной мысли: автореф. дисс. ... к.и.н. М., 1988. 23 с.
5. Гершензон М. О. Творческое самосознание // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. М.: Новости, 1990. С. 70-97.
6. Дячук Т. В. Болгарский эпизод в биографии и творчестве Г. И. Успенского // Вестник Череповецкого государственного университета. 2016. № 6 (75). С. 90-94.
7. Изгоев А. С. Об интеллигентной молодежи // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. М.: Новости, 1990. С. 97-125.
8. Камегулов А. Д. Стиль Глеба Успенского. Л.: Прибой, 1930. 158 с.
9. Милуков П. Н. Интеллигенция и историческая традиция // Вехи: pro et contra: антология / сост., вступ. ст. и примеч. В. В. Сапова. СПб.: РХГИ, 1998. С. 633-715.
10. Мокшин Г. Н. Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX – начале XX в. Воронеж: Научная книга, 2010. 299 с.
11. Петрункевич И. И. Интеллигенция и «Вехи» // Вехи: pro et contra: антология / сост., вступ. ст. и примеч. В. В. Сапова. СПб.: РХГИ, 1998. С. 555-565.
12. Розанов В. В. Мережковский против «Вех» // Вехи: pro et contra: антология / сост., вступ. ст. и примеч. В. В. Сапова. СПб.: РХГИ, 1998. С. 111-117.
13. Розанов В. В. На фундаменте прошлого. Статьи и очерки 1913-1915 гг. М. – СПб.: Республика; Росток, 2007. 638 с.
14. Струве П. Б. Интеллигенция и революция // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. М.: Новости, 1990. С. 156-175.
15. Успенский Г. И. Полное собрание сочинений: в 14-ти т. М.: АН СССР, 1949. Т. VIII. 647 с.
16. Успенский Г. И. Полное собрание сочинений: в 14-ти т. М.: АН СССР, 1953. Т. X. Кн. 1. 648 с.
17. Успенский Г. И. Полное собрание сочинений: в 14-ти т. М.: АН СССР, 1954. Т. X. Кн. 2. 580 с.
18. Успенский Г. И. Полное собрание сочинений: в 14-ти т. М.: АН СССР, 1954. Т. XIV. 839 с.

G. I. USPENSKY'S PERSONALITY AND CREATIVE WORK
IN THE CONTEXT OF DEBATES ON THE RUSSIAN INTELLIGENTSIA
(“VEKHI” COLLECTION AND EVERYTHING RELATED TO IT)

Dyachuk Tat'yana Vladimirovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg
dia4uk.tanya@yandex.ru

The article for the first time analyses the reception of G. I. Uspensky's creative work and cultural and psychological image among “Vekhi” authors. “Vekhi” authors considered Uspensky a key figure among the Russian intellectuals. They regarded the writer's destiny in the context of fundamental problems associated with the spiritual essence and historical existence of a Russian intellectual. “Vekhi” authors discovered a range of ideas and emotions associated with “God-search” in Uspensky's creative work. The relevance of these ideas was shown in the article of “Vekhi” founder – M. O. Gershenzon. The implemented historical and literary study offers new understanding of Uspensky's creative individuality, the analysis of which has been previously based on the assessments of “Vekhi” ideological opponents – V. I. Lenin and G. V. Plekhanov.

Key words and phrases: G. I. Uspensky; “Vekhi”; P. B. Struve; M. O. Gershenzon; essay; problematics.

УДК 821.161.1

Дата поступления рукописи: 06.02.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.4.70>

Статья посвящена изучению образа Лондона в детективных рассказах А. К. Дойла и передачи основных характеристик города в переводах Н. К. и М. Н. Чуковских. Избегая подробных описаний городского пространства, Дойл вводит образ загадочного города. В работе рассматриваются наиболее репрезентативные описания Лондона, их интерпретация в русских переводах. Автор исследования впервые анализирует проблему восприятия образа Лондона и его передачи в переводах Н. К. и М. Н. Чуковских, опубликованных издательством «Детгиз». Основное внимание в работе акцентируется на выборе стратегий советских переводчиков, а также их оценке Лондона как центра социальных противоречий.

Ключевые слова и фразы: образ Лондона; детективный рассказ; русский перевод; интерпретация; А. К. Дойл.

Миронова Вероника Евгеньевна

Национальный исследовательский Томский политехнический университет
miroнова@tpu.ru

**ОБРАЗ ЛОНДОНА В ДЕТЕКТИВНЫХ РАССКАЗАХ АРТУРА КОНАН ДОЙЛА
И ЕГО ПЕРЕДАЧА В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ Н. К. И М. Н. ЧУКОВСКИХ**

Лондон как один из наиболее значимых и репрезентативных элементов национальной английской культуры на протяжении длительного времени привлекал внимание многих писателей. Так, в произведениях Ч. Диккенса, У. Теккерея, У. Коллинза, Э. Бульвер-Литтона можно встретить различные описания города с акцентом на социально-философской и психологической проблематике его образа. Исследования ряда ученых (Е. Д. Бородина, И. М. Ильченко [1], Э. В. Щербакова [12], Ю. С. Скороходько [11], И. В. Липчанская [7], А. А. Иванова [6], Ю. С. Магазенко [8]) заключались в разнообразной трактовке образа Лондона, изучении особенностей города и его неоднозначной роли в произведениях английских писателей.

Нередко, с одной стороны, читателю представляются многоликость, колорит и красота Лондона, а с другой – очевидна индивидуальная специфическая трансформация образа города, отражающая видение писателя и его замысел по введению в канву повествования Лондона в целях создания увлекательного сюжета, не лишённого правдоподобия. Артур Конан Дойл также обращался к Лондону в своих детективных рассказах как продолжатель викторианской традиции, в рамках которой столица Англии рассматривалась, с одной стороны, с реалистической точки зрения, как центр социальных противоречий, город возможностей и потерь, урбанистический повествовательный топос. С другой стороны, это место, обладающее многогранной символикой, насыщенное метафорами и философскими смыслами.

Актуальность исследования определяется повышенным интересом к изучению образа Лондона и его символической роли в английской литературе. Научная **новизна** обусловлена тем, что впервые анализируется образ английской столицы в рассказах А. К. Дойла в контексте переводческой рецепции Н. К. и М. Н. Чуковских. **Цель** статьи заключается в анализе образа Лондона, изображенного К. Дойлем, и его интерпретации Н. К. и М. Н. Чуковскими в переводах. Для реализации указанной цели необходимо представить основные характеристики Лондона, значимые для автора, а также выявить специфику переводческого восприятия города.

При анализе детективного творчества Артура Конан Дойла на первый взгляд создается впечатление, что писатель не уделяет изображению города достаточно внимания, однако, как справедливо утверждают Биргит Нойманн и Ян Рупп в своей статье «Формирование культурных топографий и динамика сериальности: дело Шерлока Холмса», рассказы английского писателя о великом сыщике приобретают особое значение в представлении наиболее характерных английских реалий и пространств, отражающих национальную